

ДИНАМИКА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ЛИБЕРТИН»

DYNAMICS AND TRANSFORMATION OF LINGUO-CULTURAL TYPE "LIBERTINE"

V. Reznik

Summary: In this article formation, development and establishment of lingua-cultural type "libertine", as well as its main linguo-personological characteristics were considered. In the study the author analyzed the etymology of the word "libertine" and described evolution, communicative strategy of this type, cultural-historical events, influenced its transformation, alongside its philosophical and psychological foundations.

Keywords: linguistic-cultural type, libertine, speech portrait, concept.

Резник Виктория Александровна

кандидат филологических наук, доцент, ФГБУ
«Национальный медицинский исследовательский центр
психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского»
Минздрава России, (г. Москва)
victoriareznik@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается формирование, развитие и становление лингвокультурного типажа «либертин», а также его основные лингвоперсонологические характеристики. В ходе исследования автором была проанализирована этимология слова «libertine», описана эволюция и коммуникативная стратегия типажа, культурно-исторические события, повлиявшие на его трансформацию, его философские и психологические основания.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, либертин, речевой портрет, концепт.

Английская лексема «*libertine*» («либертин») получила свое название от латинского слова «*libertinus*» («вольнотпущенный»), в то время как его последующие значения сильно отличались от оригинального, сохранив только семы «непринужденный», «независимый» и «свободный», закрепившиеся в корневой морфеме *liber-*.

С позиции философии либертинизм, возникший в Западной Европе, представляет собой гедонистическое и нигилистическое направление, которое не принимало социальные этические нормы, а основной ценностью предполагало бесконтрольное получение наслаждений.

В XVI веке понятие «либертинаж» (англ. *libertinage*) получило свое распространение благодаря церковному реформатору Жану Ковену, и в то время являлось нидерландским учением секты анабаптистов, которые отрицали этические и социальные принципы, провозглашая общность собственности и даже законных супругов. Ковен осуждал и резко критиковал данное течение. Он использовал все свои богословские познания с целью оспорить философские положения либертинских взглядов и их кодекса. В своем полемическом труде 1545 г. «*Adversus fanaticam et furiosam sectam Libertinorum qui se Spirituales vocant*» Ковен изобразил либертинов как двуличных искушителей и еретиков.

Большая часть либертинов была осуждена Церковью, заключена под стражу или предана казни. Однако многие из них имели единомышленников среди самых влиятельных людей того времени. Как известно, Маргарита де Валуа (дочь французского короля Генриха II и Екатерины Медичи) укрывала и дала приют некоторым

последователям либертинизма. Она поддерживала их взгляды и также стремилась получить от жизни как можно больше удовольствий вопреки морали и правилам.

Тем не менее со временем концепция либертинизма продвигалась и расширялась. Само название стало отождествимо со свободой от религиозных убеждений и морали, жизнью, наполненной порывами и похотью без каких-либо обязательств перед социумом.

В конце XVI и начале XVII веков во Франции и Англии стало появляться все больше последователей этого направления. Тысяч молодых людей манило провозглашение естественной природы человека, противостояние суровым законам церкви и этики средневековья, которые содержались в философии либертинов.

Странники данного течения нестандартно трактовали суть Ветхого и Нового Завета, считая главным лицом небесного олимпа пророка Илию, а не Бога Отца. Поклонение Илию ставило либертинов выше апологетов протестантизма и католичества, а также снимало запрет на соблюдение христианской нравственности во имя спасения души.

Мировоззрение либертинов строилось на ироническом и развлекательном принципах. Они отрицали теорию первородного греха, человеческую виновность перед Богом, признание и искупление, отдаваясь полностью безудержному веселью и плотским утехам, которые так резко осуждались государственной Церковью.

Адепты либертинизма пропагандировали фантастическую концепцию в манере сэра Томаса Мора и Томма-

зо Кампанеллы – мечтание о либеральном государстве с безграничной свободой, без религиозных и правительственных законов и социальных различий. Общественная система такого рода, по их мнению, предполагала обеспечить обществу благополучие и благосостояние. В определенной мере либертинские взгляды о социальной структуре антиципировали убеждения последующих идеологических позиций нигилизма и анархизма. В почитании пророка Илии согласовывались иллюзии либертинов об устранении неверного социального порядка и их уверенность в праве на гедонистическую свободу.

В XVIII веке философские представления либертинов привлекли и были по-своему применены на практике сложившимся кругом людей – ничем не занятыми денди, богатыми наследниками, бездумно прожигавшими жизнь. Они провозгласили либертинизм своей идеологией и основанием совершаемых ими безобразий. В то же время они полностью отбросили его религиозную первопричину.

Ярким представителем «прозаического» либертинизма в тот период был французский писатель, мыслитель и прозаик из высшего света Донасьен Альфонс Франсуа де Сад (более известный как маркиз де Сад). Опередив Зигмунда Фрейда в его умозаклечениях, он выразил несогласие с моралью просветителей относительно того, что поведением человека преимущественно руководит разум и рациональность. Именно маркиз Де Сад впервые привлек внимание общества к главенствующей роли естественных желаний и физического влечения человеческой природы, которые сами подчиняют разум. Донасьен «проповедовал» безграничное претворение в жизнь глубоко скрытых, врожденных порывов и описывал их не как ничтожные и животные, а как естественные.

Так, применив определение К. Саймака [1], допустимо назвать либертинов упомянутой эпохи как поколение, достигнувшее цели (*target generation*). У них не было никаких целей и стремлений – они обладали всем, что желали.

Как следствие этих обстоятельств происходит изменение системы ценностей. Ответственность перед социумом ушла в тень, а гедонизм вышел на первый план. Удовлетворив обыкновенные желания, они стали все больше обращать внимание на порочные и совершенно непристойные занятия, которые на их вкус были особо занимательны.

С целью обосновать под свой жизненный уклад оправдательную концептуальную основу, данная часть знати заняла у теологических мыслителей название *libertines* и завладела им, хотя признак, заложенный в основу номинации слова, являясь неопределенным и не совсем ясным по смыслу, допускал различные трактовки.

Либертины нового времени организовывали сообщества, формировали прочные связи, основывающиеся на общих низменных интересах. К их числу относились, наряду со светскими людьми, также и священнослужители, которые ухитрялись совмещать свое безнравственное поведение с исполнением служебных обязанностей в Церкви. Во Франции и Англии XIX века образовалась уникальная либертинская субкультура, вызывавшая у общественности неподдельный интерес.

После революций, переворотов и экономических изменений знатные фамилии потеряли власть и неконтролируемость. Количество бесчинств сильно снизилось, большинство аристократов стало довольствоваться разговорами на тему гедонизма, и написанием безнравственных сочинений:

Сальвадор Дали со своей ранней автобиографией «The Secret Life of Salvador Dali» - «Секретная жизнь Сальвадора Дали»;

Английский эссеист Томас де Квинси и его широко известная «Confessions of an English Opium Eater» - «Исповедь англичанина, употребляющего опиум»;

Английский поэт Джон Уилмот 2-й граф Рочестер и его пьеса «Sodom, or the Quintessence of Debauchery» - «Содом, или Квинтэссенция разврата»;

Считавший себя пророком английский оккультист Алистер Кроули со своей автобиографией «Confessions of Alistaire Crowley. An Autobiography».

Значимой фигурой в области либертинского изобразительного искусства того времени считался английский книжный иллюстратор Обри Винсент Бердслей, ставший известным благодаря рисункам к трагедии Оскара Уайльда «Саломея». Другие крупные деятели культуры и искусств, поддавшиеся влиянию либертинизма были Джордж Гордон Байрон, Савиньен Сирано де Бержерак, Поль Верлен, Дени Дидро, Артур Рембо, Шарль Бодлер и др.

Фундаментальным психологическим основанием и идейным ядром либертинизма являлось желание фрейдовского *id* избавиться от ограничивающего импакта *super-ego*, первый раз вырвавшегося на свободу из-под церковного притеснения со времен Ренессанса и упомянутое в работах, Джефри Чосера, Джованни Боккаччо и Франсуа Рабле.

В развернутом и даже преувеличенном образе типажа «libertine» появляется только в работах маркиза де Сада. У прочих писателей герои только в некоторой степени выражают особенности данного типажа. Либертинские взгляды проступают в убеждениях, сознании и действиях протагониста Вильяма Вильсона у Эдгара Аллана По («William Wilson»), Дон Жуана у Томаса Шадвела в пьесе «The Libertine», мисте-

ра Хайда у Роберта Льюиса Стивенсона («The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde»), и многих других.

Вербальное выражение идеологии либертинов осуществлялось с использованием определенной коммуникативной стратегии. Это была речь начитанных и просвещенных людей – изысканная и грамотная, в которой присутствовали яркие романтические метафоры, парадоксальные и остроумные высказывания, поизносившиеся в обольстительной и завлекательной манере, с целью обратить в свои ряды новых людей своего класса. Соображения относительно экзистенциальных вопросов, интригующие рассказы, восхваление свободных отношений являлись главной темой дискурса либертинов. Подобными разговорами один из главных героев Оскара Уайльда в своем романе «Портрет Дориана Грея» («The Picture of Dorian Gray») лорд Генри Уоттон очаровал юного красавца-аристократа Дориана Грея и привел его на путь сладострастий, порока и греха [2].

В качестве иллюстрации следует привести фрагмент из личностной презентации одного из главных представителей либертинского движения 2-го графа Рочестера.

«Allow me to be frank at the commencement. You will not like me. The gentlemen will be envious and the ladies will be repelled. You will not like me now and you will like me a good deal less as we go on. Ladies, an announcement: I am up for it, all the time. That is not a boast or an opinion, it is bone hard medical fact. I put it round you know. And you will watch me putting it round and sigh for it. Don't.

It is a deal of trouble for you and you are better off watching and drawing your conclusions from a distance than you would be if I got my tarse up your petticoats. Gentlemen. Do not despair, I am up for that as well.

And the same warning applies. Still your cheesy erections till I have had my say. But later when you shag – and later you will shag, I shall expect it of you and I will know if you have let me down – I wish you to shag with my homuncular image rattling in your gonads.

Feel how it was for me, how it is for me and ponder.

Was that shudder the same shudder he sensed? Did he know something more profound? Or is there some wall of wretchedness that we all batter with our heads at that shining, livelong moment. That is, it. That is my prologue,

nothing in rhyme, no protestations of modesty, you were not expecting that I hope. I am John Wilmot; Second Earl of Rochester and I do not want you to like me ...

So here he lies at the last. The deathbed converts. The pious debauchee. Could not dance a half measure, could I? Give me wine, I drain the dregs and toss the empty bottle at the world. Show me our Lord Jesus in agony and I mount the cross and steal his nails for my own palms. There I go, shuffling from the world. My dribble fresh upon the bible. I look upon a pinhead and I see angels dancing. Well? Do you like me now? Do you like me now?» [3]

Такие словесные тирады, можно сказать, гипнотически пленяли аудиторию, вовлекая в свой круг всё больше новых последователей.

Тем не менее исследование речи действующих лиц книг вышеупомянутых авторов демонстрирует, что, в личном общении между собой на секретных встречах, либертины разговаривали без стеснения, используя непристойные аллегории и самые грубые обороты. В этой демонстративной дегрессии прескриптивного стиля эти хорошо образованные люди видели своеобразную пикантность.

Таким образом, можно отметить следующие основные перцептивно-образные характеристики лингвокультурного типажа «libertine» в его содержательном проявлении:

1. Аристократическое происхождение;
2. Экстремальная оппозиционность, неприятие общественно-моральных ценностей и традиционных социальных норм;
3. Атеизм, страсть к софистической отвлеченности;
4. Спесь и эгоцентризм, безразличие к сторонним несчастьям;
5. Очевидная гедоническая философия, приоритизирование плотских наслаждений. Устойчивая установка на сладострастие и безнравственность;
6. Стремление к острым ощущениям, нарушение основных общественных и этических запретов. Претензии на превосходность;
7. Как итог - эмоциональное пресыщение в молодом возрасте и меланхолия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Simak, C.D. Target Generation [Text] / C.D. Simak. – Rockville: Wildside Publishers, 2009. – 48 p.
2. Wilde, O. The Picture of Dorian Gray [Text] / O. Wilde. – Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2011. – 295 p.
3. Jeffreys, St. The Libertine [Electronic Resource] / St. Jeffreys. 2010. URL: <http://www.whysanity.net/monos/libertine.html>.

© Резник Виктория Александровна (victoriareznik@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»